

ОБРАЗ «ДРУГОГО» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904—1905 ГОДОВ

Р.С.Переславцева

THE IMAGE OF "THE OTHER" IN WORKS OF THE RUSSO-JAPANESE WAR OF 1904—1905

R.S.Pereslavl'tseva

РЭУ им. Г.В. Плеханова (Воронежский филиал), west30@yandex.ru

Представлен анализ образа «другого» в произведениях отечественных писателей первой четверти XX века, посвященных русско-японской войне 1904—1905 годов. Важно, что в литературе, посвященной войне, продолжается традиция русской культуры, когда «другой», не несущий смертельную угрозу, воспринимается толерантно как «Божие создание», хотя может быть представителем другой национальности и веры. Подобное отношение формируется у ряда героев произведений о русско-японской войне по отношению к японцам, вследствие несовпадения образа врага, созданного официальной с реальным поведением противника на войне.

Ключевые слова: образ «другого», образ врага, русско-японская война 1904—1905 гг.

The article presents the analysis of the image of "the other" in the works by Russian writers of the first quarter of the 20th century, devoted to the Russo-Japanese war of 1904—1905. It is important that in literature devoted to war the "other", not carrying a deadly threat is perceived as "God's creation", although he can be a representative of a different nationality and faith. This attitude is formed from a number of characters from the works about the Russo-Japanese war against the Japanese because of the discrepancy between the image of the enemy in official propaganda and real situations.

Keywords: the image of "the other", the image of the enemy, Russo-Japanese war of 1904—1905

В данном исследовании в качестве рабочего термина мы используем определение «другого», предложенное Е.Д.Заровой: «"другой" есть совершенно иной по отношению к "Я", с которым возможно диалогическое взаимодействие без ассимиляции одного другим» [1].

Образ «другого» служит значимым элементом для поиска собственной идентичности. Этой теме посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных специалистов. В этом ряду хотелось бы отметить работы М.М.Бахтина, В.А.Фриуфа, (2005), Л.З.Копелева (1994), Х.Яннарас (1999), С.И.Лучицкой (2001), Е.Д.Заровой (2009), Л.П.Репиной (2012), а также исследования, вошедшие в серию сборников издательства «Наука» «Одиссей. Человек в истории», и др.

«Чтобы возникло чувство "Мы", должны быть "Другие", — пишет С.И.Лучицкая [2].

Важные шаги по определению точек соприкосновения между национальным и общечеловеческим были предприняты в процессе философских и историософских поисков в России на рубеже XIX—XX вв. Проблема универсализма и сохранения национальной идентичности становится темой философских исканий В.С.Соловьева, Н.К.Леонтьева, Н.Ф.Федорова, Э.Э.Ухтомского и др. Эта проблема оказалась в тесной взаимосвязи с «восточным вопросом», традиционно связанным с топосами: Ближний Восток (Иерусалим), Царьград, Памир. Русский исследователь, этнограф, философ и публицист, князь Э.Э.Ухтомский предложил новое направление поисков — Восток, при этом не отказываясь ни от «царьградского» наследия, о котором писали славянофилы и Н.К.Леонтьев, ни от европейского мира, на ко-

торый были обращены устремления западников. В своих работах философ и этнограф делает акцент на генеалогической и географической взаимосвязи России и Азии: «родстве душ», «единомыслии по существеннейшим вопросам» [3, с. 10]. Восток оказал, согласно Э.Э.Ухтомскому, кардинальное влияние на формирование русского национального характера, основными чертами которого являются «прямотушие, доброта, жажда настоящего подвига во имя святой цели подвига, взгляд на любого человека веры и племени как на Божье создание» [3, с. 40].

В.С.Соловьев приходит к мысли об общечеловеческой миссии России как мостика между Западом и Востоком через преодоление оппозиции «свой» — «чужой» в пользу общечеловеческих ценностей. Для Э.Э.Ухтомского азиатская «пестротканность», мирное сотрудничество разноплеменных народов в России базируется на христианском взгляде, когда в «другом» возможно разглядеть черты «своего», то есть такого же создания Божьего.

Эта православный взгляд на «другого», свойственный, согласно Э.Э.Ухтомскому, русскому характеру, проявляется парадоксальным образом и в отношении к японцам в период войны 1904—1905 гг.

Обозреватель «Русской мысли» в одном из номеров цитирует газетную статью, в которой рассказывается, как в Томск прибывает поезд с пленными японцами. Крестьяне их ждут с осуждением (враги) и одновременно желанием продать им молоко, хлеб, другую еду. Но вместо запланированного холодного приема бесплатно кормят «болезненных», «несчастных» японцев, призывают милость Бога на «язычников врагов». «Сердца растворились для внезапной любви к этим желтолицым, смешным и страшным,

«не нашего рода и не нашей веры»», — констатирует автор [4]. Мы видим, как в реальной жизненной ситуации враг превращается в «другого», вызывает сострадание.

Сюжет обнаружения во враге «другого», похожего на «своего» представлен в произведениях В.В.Вересаева, Н.Г.Гарина, П.П.Инфантьева, С.А.Ковальского, А.Б.Дермана и др.

Феномен русско-японской войны 1904—1905 годов состоит в том, что официальной пропаганде не удалось создать образ смертельно опасного, дегуманизированного противника. Мы предполагаем, что это, во-первых, произошло из-за недостаточных знаний о Японии и японцах в России накануне грозных событий. Публицист журнала «Русская мысль» рассуждает следующим образом: «Огромное большинство русских людей имело лишь смутное представление о Манчжурии и Корее и о том, какие именно интересы, материальные и культурные, могут быть затронуты в этих странах. Что касается до самой Японии и японцев, то для большинства русского народа это были **совершенно неизвестные величины, не возбуждающие ни симпатии, ни антипатии** (выделено мной. — Р.П.)» [5].

Превращение врага в «другого» объяснялось несовпадением национальных и государственных интересов в России во время русско-японской войны. Имперские амбиции государства оказались во многом чужими и непонятными непосредственным участникам театра военных действий. В рассказе «Враги» П.П.Инфантьева территориальный или «земельный» вопрос оказывается водоразделом в идеологических установках русского и японца. Японец рассуждает геополитически: «Нам надо отдать Порт-Артур и Корею, так как раньше здесь появились, воевали с китайцами и победили» [6, с. 11], то есть для «другого» земля — это территория господства, влияния. Русский солдат мыслит иными категориями: земельный вопрос связан с темой родины и образом земли-кормилицы: «На что она нам? (чужая земля. — Р.П.) Тут и китайцам жить тесно: ты посмотри здесь все сплошь засеяно, а в горах один песок да камни... Как будто у нашей матушки России мало своих собственных земель?» [6, с. 11]. В пример он приводит бескрайние («ни конца, ни края») пространства Сибири, через территорию которой ехали солдаты на фронт.

В стремлении взглянуть на японцев не как на врагов, а как на «других» большую роль сыграл феномен неподтвержденного ожидания: враги оказались не монстрами, но людьми, способными уважать противника, относиться к нему в критических обстоятельствах гуманно.

Н.Гарин, описывая свой путь на поезде на прифронтовую территорию, показывает, как меняется самосознание русских военных, как оно очищается от наносной, не всегда адекватной пропаганды: «А отношение к врагу? Нет, вы больше не услышите здесь слов: “макаки”, “желторылые”. Такое же **уважение к врагу, как и друг к другу** (выделено мной. — Р.П.)» [7].

В рассказе П.П.Инфантьева «Враги» встреченным заблудившимся русским солдатом японец пер-

воначально несет в себе черты оборотня: «Кто-то ползком — не то зверь, не то человек — крался прямо к нему» [6, с. 6]. Но Ганко не угрожает Степану, спасает ему жизнь (перевязывает), в прямом и переносном смысле открывает глаза на происходящее и указывает, как выйти к своим. Подобно сказочным помощникам, японец говорит: «Делить, брат, мне с тобой нечего..., помоги мне — я уж тебе смогу чем-нибудь пригодиться» [6, с. 8]. При этом с самого начала, японец подчеркивает, что он не «зверь», а «человек», позиционирует себя «своим», а не «другим». Японец говорит Степану: «— Стой, брат, не стреляй! Я такой же раненый, как и ты!» [6, с. 7]. Степан после этих слов сначала видит перед собой не врага, но «другого»: «Типичное, темного цвета, с раскосыми глазами лицо незнакомца, одетого к тому же в форму японского солдата» [6, с. 7]. В то же время Ганко говорит по-русски, территориально «свой»: до войны «служил приказчиком во Владивостоке» [6, с. 11].

В рассказе «Враги» В.В.Вересаев описывает, как русский офицер Березников, «спеша и недоумевая», не из ненависти к врагу, а из желания привезти дочке военный трофей, разрубает голову японцу, неожиданно усевшемуся на русский окоп и, как оказалось военному, улыбающемуся «во весь рот» [8, с. 252]. Березников считает, что японец смеется над русскими. Между тем, последний запыхался во время атаки и пытается перевести дух. Сразу после схватки русского офицера ранят, и, когда он приходит себя, то видит, как ему «хорошо перевязал ногу» [8, с. 255] японец. Березников в свою очередь перевязывает «врага» и обнаруживает, что нанес последнему смертельную рану. В лазарете, размышляя о произошедшем, Березников вспоминает уже не врага, а «милого япошу» [8, с. 255], «другого» и осознает непоправимость своего поступка. Открытие в «чужом» не врага, но «другого» меняет восприятие Березниковым самой войны. До этого момента она казалась ему «делом великим и светлым», именно поэтому он избрал военную профессию.

В рассказе А.Дермана «Вернулся» в Благовещение в деревню приходит с войны не балагур, весельчак, в руках которого все ладилось, а совсем «не тот человек, словно его подменили» [9]. Иван Миколаич «сохнет» и затем умирает из-за осознания непоправимой вины перед «обходительным», «приветливым» японцем, который перевязывал его на поле боя, подал ему руку (как друг, брат), а русский в ответ выстрелил ему в спину и убил. Ивана Миколаича злит заботливое и мирное отношение к нему врага, оказавшегося «другим»: «Японец передо мной то идет, не оглядывается, словно я и не солдат» [9, с. 100]; «...мысли помутились. Вот точно кто руками-то моими орудует, а удержать — то мне его (курсив автора. — Р.П.) не в мочь» [9, с. 101].

В рассказе «Из жизни рядового Незабудкина» К.Ковальского забытый своими на поле боя, раненый рядовой Семен Незабудкин встречает такого же раненого и забытого японского солдата. Первоначально он воспринимает последнего как врага: «Японец... причина присутствия Незабудкина в Манчжурии, причина его страха и мук» [10]. Но противник не

только не пытается нанести вред Семену, напротив, делится с ним водой и говорит по-русски. Автор показывает процесс превращения врага в «другого», в человека в восприятии Незабудкина: «Желание помочь лежащему с ним рядом чужому, как будто уже и не чужому, а человеку» [10]. Русский узнает, что японец был крестьянином, у него дома осталась семья. Таким образом, номинальный враг, «чужой» оказывается «своим».

Для героя рассказов Г.П.Белорецкого единственной возможностью выжить на войне становится попытка нахождения «своего» в «другом»: «Я видел, что мы — не русский и китаец, а просто два человека, связанные с другими людьми и землей совершенно одинаковыми и простыми человеческими чувствами» [11]. Одному из китайцев-переводчиков в русской армии казаки дают в знак уважения русское имя и отчество: Иван Иванович. Именно ему, человеку, по судьбе которого война прошла с особой жестокостью (разорена и сожжена фанза, неизвестна судьба жены и детей, помешавшегося от горя отца казаки ловят и запаривают до смерти) автор доверяет главные слова в своем цикле рассказов: «зачем война?» [11]. Рассказчик обнаруживает точки соприкосновения в межличностном общении, пространственном коде. Санитар Корнышев говорит про Маньчжурию: «Ордынские здесь места... Дикие» [12] и духовном плане: он встречает маленькие часовенки с изображениями святых и находит последние, «удивительно похожими на русские иконы» [13]. Война, которую олицетворяют генералы, русская армия, несущая «непоправимое разорение», превращает китайцев из «детей», «других», «странных», но потенциально «своих», в «чужих» и врагов: «с голоду они (китайцы. — Р.П.) в фунфузы идут...Земли бы им побольше, да никто бы их не трогал» [13].

Таким образом, в произведениях о русско-японской войне 1904—1905 гг. одним из распространенных сюжетов становится стремление взглянуть на врага как на «другого», как на Божие создание. Это ведет не только к преодолению всего, что разъединяет, что становится причиной взаимных убийств и смертей, но и служит возможностью для собственной идентификации и выживания на войне. Данная тенденция, связанная с попыткой открытия, обретения и сохранения собственной идентичности, базируется на православной традиции, когда каждый человек, не несущий смертельную угрозу, воспринимается как создание Божие.

В то же время, как справедливо пишет О.В.Белова, представителям любой культуры свойственно «переводить» на «свой» язык «чужой» культурный код, дабы сделать его понятным и доступным» [14]. Писатели изображают японцев как «других», но при этом пытаются объяснить их поступки, чувства, жесты, сообразуясь с культурными кодами русской культуры. Хотя православное отношение к смерти у русских и отношение к смерти у японцев, так же как отношение к плену, к другим значимым цивилизационным и онтологическим маркерам не совпадает, а, порой, и диаметрально противоположно.

Например, в записках «На японской войне» В.Вересаева пленный японец (уже оксюморон с точки зрения самурайского кодекса), решивший помыться, представ перед русскими обнаженным, не кажется беззащитным и униженным. Автор эстетизирует сам процесс помывки, показывая связь пленного с образами молодости, красоты, здоровья, то есть полноценной жизни: «Боже мой, как он мылся! С блаженством, с вдохновением...Капли сверкали на крепком, бронзовом теле, тело сверкало и молодело от отхвачившей его чистоты» [15]. Образ врага, который должен быть изоморфным смерти, напротив, становится олицетворением жизни, то есть, по сути, перестает быть *чужим*. Пленный ассоциируется с образом ребенка, а его манера отдавать честь с «игрой в солдатики»: «Японец внимательно смотрел, приложил руку к козырьку, — ладонью вперед, как у нас козыряют играющие в солдаты мальчишки» [15]. Японец не забыл сорвать погоны, когда его захватили в плен, чтобы никто не узнал из какой он части. Срывая погоны и срывая одежду, он также символически расстается со своей службой стране, становится своего рода ронином («перекати-поле», «странником», «блуждающей волной»). По мнению автора, пленный фактически обезличивает себя для грядущего перерождения — обретает *новую*, частную жизнь. С точки зрения русского, и в целом европейского сознания с сохранения жизни тела начинается новая жизнь. В то же время в японской армии попавший в плен японец, по сути, умирал для своей армии, родных, страны.

1. Зарова Е.Д. Образ «Другого» в формировании концепции цивилизационной идентичности и приоритетов международной политики государства // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 2 (15). С. 123-128.
2. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. С. 21.
3. Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя императора Николая II на Восток (в 1890—1891). СПб.; Лейпциг: Ф.А.Брокгауз, 1895. Т. 2. Ч. 3-4: [Великий океан]. С. 10.
4. В.Г. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1904. № 8. С. 197.
5. А.С. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1904. № 3. С. 181.
6. Инфантьев П. Враги. Рассказ из русско-японской войны. Второе издание «Школьной библиотеки». М., 1911. 31 с.
7. Гарин Н.Г. Дневник во время войны // Полное собрание сочинений. Том шестой. Петроград: Издание т-ва А.Ф.Маркс, 1916. 291 с. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.az.lib.ru/> (дата обращения: 15.02.2014).
8. Вересаев В.В. Избранное: В 2 т. М.: Худ. лит., 1959. Т. 2. Рассказы. С. 252.
9. Дерман А. Вернулся // Мир Божий. 1905. № 10. С. 92.
10. Ковальский К.А. Из жизни рядового Семена Незабудкина // Русское богатство. 1905. № 11-12. С. 277-278.
11. Белорецкий Г. В чужом пире // Русское богатство. 1905. № 10. С. 97-100.
12. Белорецкий Г. На войне // Русское Богатство. 1905. № 2. С. 20-21.
13. Белорецкий Г. На войне // Русское богатство. 1905. № 3. С. 5-6.
14. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005. С. 39.
15. Вересаев В. На японской войне; Живая жизнь. Мн.: Нар. асвета, 1988. С. 149, 153.

References

1. Zarova E.D. Obraz "Drugogo" v formirovani kontseptsii tsivilizatsionnoy identichnosti i prioriteto mezhdu narodnoy politiki gosudarstva [The Image of the "Other" in the formation of civilizational identity and state's foreign policy]. Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby, 2008, no. 2 (15), pp. 123-128.
2. Luchitskaya S.I. Obraz Drugogo: musul'mane v khronikakh krestovyykh pokhodov [The image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades]. Saint Petersburg, 2001, p. 21.
3. Ukhtomskiy E.E. Puteshestvie Gosudarya imperatora Nikolaya II na Vostok (v 1890—1891) [The Journey of the Emperor Nicholas II to the East (1890—1891)]. Saint Petersburg; Leyptsig, 1895. Vol. 2, parts. 3-4, p. 10.
4. V.G. Inostrannoe obozrenie [Foreign review]. Russkaya mysl', 1904, no. 8, p. 197.
5. A.S. Vnutrennee obozrenie [Internal review]. Russkaya mysl', 1904, no. 3, p. 181.
6. Infant'ev P. Vragi. Rasskaz iz russko-yaponskoy voyny [Enemies. A story of the Russian-Japanese war]. Moscow, 1911. 31 p.
7. Garin N.G. Dnevnik vo vremya voyny [Diary during the war]. In: Full coll. of works, vol. 6. Petrograd, A.F.Marks Publ., 1916. 291 p. Available at: <http://www.az.lib.ru/> (accessed 15.02.2014).
8. Veresaev. V.V. Selected works in 2 vols, vol. 2. Moscow, 1959, p. 252.
9. Derman A. Vernulsya [Returned]. Mir Bozhiy, 1905, no. 10, p. 92.
10. Koval'skiy K.A. Iz zhizni ryadovogo Semena Nezabudkina [From the life of private Semen Nezabudkin]. Russkoe bogatstvo, 1905, no. 11-12, pp. 277-278.
11. Beloretskiy G. V chuzhom piru [At a strange feast]. Russkoe bogatstvo. 1905, no. 10, pp. 97-100.
12. Beloretskiy G. Na voyne [At war]. Russkoe Bogatstvo, 1905, no. 2, pp. 20-21.
13. Beloretskiy G. Na voyne [At war]. Russkoe bogatstvo, 1905, no. 3, pp. 5-6.
14. Belova O.V. Etnokul'turnye stereotipy v slavyanskoy narodnoy traditsii [Ethnocultural stereotypes in the Slavic folk tradition]. Moscow, 2005, p. 39.
15. Veresaev V. Na yaponskoy voyne; Zhivaya zhizn' [Live from Japanese war]. Minsk, Nar. asveta Publ., 1988, pp. 149, 153.